

МАГИССА

МАГИССА

ИЗМЕНА ЗА ПОРОГ В ОДНОМ БЕЛЪЕ

ИЗМЕНА
ЗА ПОРОГ
В ОДНОМ БЕЛЪЕ

Магисса –
Измена: За Порог В Одном Белъе

«Литнет»

2025

– М.

Измена: За Порог В Одним Белье / М. – — «Литнет», 2025

— Сними, я сказал, — повторил он тем же ледяным тоном, не повышая голоса. — Здесь. Сейчас. И все остальное тоже. Оставь только белье. То, что я тебе покупал в Милане. Помнишь? Ты же мне всем обязана. Каждой ниткой. Молния снова распорола небо за окном, на мгновение осветив его лицо – лицо безжалостного судьи, выносящего приговор. Я смотрела на него, и мир вокруг рушился, рассыпался в пыль. Шок был таким сильным, что парализовал волю. Боль от измены была ничем по сравнению с этим ледяным, расчетливым унижением. — Ты... ты не посмеешь... — прошептала я, но голос не слушался. — Посмею, Лала. Еще как посмею, — он шагнул к двери, открыл ее настежь. За порогом – темная лестничная площадка, гул лифта, шум дождя с улицы. — Снимай. Быстро. Или я помогу.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5 (от лица Глеба Воронцова)	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пролог

Майская гроза металась над ночной Москвой, вспышки молний на мгновение выхватывали из темноты панораму Сити за огромными, от пола до потолка, окнами нашего пентхауса.

Здесь, на головокружительной высоте, воздух казался стерильным, искусственным, лишенным запаха дождя и цветущей сирени. Сегодня он звенел от напряжения, густой и тяжелый, как неразряженная туча.

Глеб стоял ко мне спиной, его широкий силуэт в дорогом домашнем шелковом халате темнел на фоне мечущихся за стеклом огней.

Идеальный, властный, непроницаемый.

Мои пальцы до боли сжимали крошечный, острый осколок чужой жизни, который я нашла в кармане его пиджака. Не мой. Изящная золотая сережка с крошечным рубином, похожим на каплю крови. Без пары. Слишком дорогая, слишком кричащая для моего вкуса.

И этот едва уловимый, но настойчивый аромат чужих духов – сладкий, пряный, удушающий – въевшийся в лацканы его кашемирового пальто, которое я только что собиралась отдать в химчистку. Это было оно. Не смутные подозрения, не его внезапные «командировки», не холодность в постели.

Вот оно – холодное, блестящее, неопровержимое доказательство его предательства.

— Чья это? — голос прозвучал глухо, чужеродно в наэлектризованной тишине гостиной, отделанной мрамором и редкими породами дерева. Я протянула ему на ладони крошечную улику.

Он медленно обернулся. На его красивом, холеном лице с жесткими чертами не дрогнул ни один мускул. Холодные стальные глаза скользнули по сережке, потом по моему лицу – с легким, почти незаметным оттенком скуки и раздражения. Словно я задала нелепый, неуместный вопрос, отвлекла его от чего-то важного.

— Понятия не имею, — бросил он равнодушно, его голос был спокоен и глубок, как всегда. — Может, в машине кто-то обронил. Или в офисе. Какая разница, Лала?

— Разница есть, Глеб, — я сделала шаг вперед, чувствуя, как внутри поднимается волна – не слез, нет, скорее ледяной, обжигающей горечи. — Я знаю.

Он резко развернулся всем корпусом. Маска безразличия слетела, обнажив холодную, злую ярость. Он ненавидел, когда его ставят под сомнение. Когда его уличают во лжи. Когда нарушают его иллюзию полного контроля.

— Что ты знаешь, Евлалия? Что ты себе опять навоображала? Вечно ищешь драмы на пустом месте. Надоело.

— Я не придумываю! — голос сорвался, предательски дрогнул. — Эта сережка! Эти духи! Твои бесконечные «совещания» до полуночи! Твоя отстраненность... Ты изменяешь мне. Признай это!

Он шагнул ко мне. Вплотную. Его рост, его аура власти давили, заставляя инстинктивно отступить. Я почувствовала его запах – дорогой одеколон, смешанный с чужим, сладким ароматом. Тошнота подступила к горлу.

— Не повышай на меня голос, — прошипел он, его глаза потемнели, превратились в два кусочка льда. — Ты забыла, кто ты и где находишься? Ты всем обязана мне. Этим домом, этой жизнью, каждой тряпкой на тебе. И будешь верить в то, что я скажу.

— Я не твоя вещь! — выкрикнула я, удивляясь собственной смелости, рожденной отчаянием. — Я имею право на правду!

И тут он сделал то, чего я не ожидала. Хуже удара. Он не ударил. Он усмехнулся. Криво, зло, с нескрываемым презрением.

— Вещь? Нет, конечно. Ты – мое украшение. Дорогое. Красивое. И очень капризное в последнее время. — Он окинул меня взглядом с ног до головы, задержавшись на шелковом платье нежно-голубого цвета, которое сам же подарил мне на прошлый день рождения. — Красивое платье, да? Я выбирал. А теперь сними его.

Я замерла, не веря своим ушам.

— Что?..

— Сними, я сказал, — повторил он тем же ледяным тоном, не повышая голоса. — Здесь. Сейчас. И все остальное тоже. Оставь только белье. То, что я тебе покупал в Милане. Помнишь? Ты же мне всем обязана. Каждой ниткой.

Молния снова распорол небо за окном, на мгновение осветив его лицо – лицо безжалостного судьи, выносящего приговор. Я смотрела на него, и мир вокруг рушился, рассыпался в пыль. Шок был таким сильным, что парализовал волю. Боль от измены была ничем по сравнению с этим ледяным, расчетливым унижением.

— Ты... ты не посмеешь... — прошептала я, но голос не слушался.

— Посмею, Лала. Еще как посмею, — он шагнул к двери, открыл ее настежь. За порогом – темная лестничная площадка, гул лифта, шум дождя с улицы. — Снимай. Быстро. Или я помогу.

Руки дрожали так, что я едва могла расстегнуть молнию на спине. Пальцы не слушались, цеплялись за тонкую ткань. Я чувствовала его взгляд – тяжелый, изучающий, лишенный всякой жалости. Он наблюдал, как я, спотыкаясь, стягиваю с себя платье, оно падает к ногам голубым шелковым облаком. Потом – туфли. Потом – чулки.

Я осталась стоять посреди роскошной гостиной, освещенной лишь всполохами молний и холодным светом ночного города, в одном кружевном белье – том самом, из Милана. Тонкое, дорогое, почти невесомое, оно казалось сейчас не изысканным предметом соблазна, а последней, жалкой тряпкой, едва прикрывающей мой стыд и мое тело, выставленное на поругание. Холод мрамора жег ступни.

— Вот так, — кивнул он удовлетворенно. — А теперь – пошла вон.

Он схватил меня за плечо – не больно, но властно – и подтолкнул к открытой двери. Я споткнулась о порог, едва не упав на холодный кафель лестничной площадки. Он не оглянулся. Просто захлопнул тяжелую дверь пентхауса прямо перед моим носом. Щелкнул замок.

Я осталась стоять там, в полумраке чужого подъезда, почти голая, дрожащая от холода и пережитого ужаса.

Капли дождя, залетавшие с улицы в приоткрытую форточку, ледяными иглами впивались в обнаженную кожу плеч и спины. Что-то внутри меня – хрупкое, доверчивое, живое – только что умерло. Окончательно.

Но сквозь оцепенение, сквозь боль и унижение, пробивался другой, новый росток – холодный, твердый, как сталь. Росток ярости. И ледяной, обжигающей решимости. Он еще пожалеет. Ох, как он пожалеет об этой ночи.

Глава 1

Холод был первым, что вернуло меня к реальности. Не тот привычный, почти незаметный холод кондиционированного воздуха в нашем стерильном пентхаусе, а настоящий, живой, впивающийся в кожу тысячами ледяных игл.

Майская ночь дышала на меня промозглой сыростью, мелкий, колючий дождь сек обнаженные плечи, спину, ноги, стекая по телу ледяными ручейками, смешиваясь со слезами, которые я уже не чувствовала. Они просто текли, оставляя на щеках горячие, соленые дорожки.

Я стояла на мокром, блестящем от огней асфальте у подножия нашего сияющего монстра из стекла и бетона. Здесь, в самом сердце Москвы, с видом на переливающуюся огнями громаду Сити, я только что была хозяйкой. Минуту назад. А теперь – никто. Пустое место. Выброшенная вещь.

Тяжелая дубовая дверь подъезда, обитая чем-то статусным, темным, захлопнулась передо мной с глухим, окончательным стуком. Щелкнул замок. Всё. Финал.

За этой дверью осталась моя жизнь – шесть лет брака, иллюзия стабильности, дорогие безделушки, которыми он меня одаривал, мои книги, мои реставрационные инструменты, мое прошлое.

А здесь, снаружи, под безразличным взглядом редких фонарей и мокрых окон – только я. В одном кружевном белье. Том самом, из Милана. «Ты же у меня всем обязана, Лала. Каждой ниткой». Его слова, брошенные с ледяным спокойствием, прежде чем он захлопнул дверь, все еще звенели в ушах, как осколки разбитого стекла.

Он заставил меня снять платье. То самое, нежно-голубое, шелковое, которое сам же подарил. Заставил стянуть чулки, туфли. Стоять перед ним, почти нагой, в свете вспышек молний, пока он, мой муж, мой Глеб, смотрел на меня с холодным, изучающим презрением. А потом просто вытолкнул за порог. Как ненужную куклу. Как мусор.

Шок был таким сильным, что заморозил слезы где-то глубоко внутри. Сейчас я не плакала, я просто дрожала. Всем телом. От холода, от унижения, от ужаса, который волной поднимался изнутри, грозя поглотить остатки разума.

Руки инстинктивно метнулись прикрыть грудь, едва прикрытую тонкими кружевами, сжаться в комок, стать меньше, незаметнее. Но куда спрячешься на пустой ночной улице, освещенной лишь равнодушными огнями города?

Ветер подхватил ледяные капли дождя, швырнул их мне в лицо. Я поежилась, обхватила себя руками, пытаюсь согреться, но тонкая ткань белья мгновенно промокла, прилипая к телу.

Стыд. Жгучий, всепоглощающий стыд горел под кожей жарче, чем ледяной дождь снаружи. Казалось, каждый темный провал окна в домах напротив, каждый проезжающий автомобиль, каждый случайный прохожий (хотя их почти не было в этот час и в такую погоду) – все видели меня, мою наготу, мой позор. Хотелось провалиться сквозь землю, испариться, раствориться в этом холодном майском дожде.

В голове гудело, мысли путались, натываясь друг на друга. Сережка. Рубиновая капля крови на его пиджаке. Запах чужих духов – сладкий, удушливый, вьющийся в мою память навсегда. Его холодные стальные глаза, его усмешка, его приказ... «Сними». «Пошла вон».

Неужели это происходит со мной? Неужели это моя жизнь, которая еще вчера казалась такой стабильной, такой... нормальной?

Я огляделась по сторонам, словно ища спасения. Куда идти? Кому звонить? Телефон остался там, наверху, в моей сумочке, рядом с кошельком, ключами, всем моим крошечным личным миром. У меня не было ничего. Кроме этого унижительного кружевного белья на про-

мокшем, замерзшем теле и имени, которое он только что растоптал. Евлалия Воронцова. Бывшая жена. Никто.

Звук приближающейся машины заставил меня вздрогнуть и инстинктивно отшатнуться в тень арки, ведущей во двор. Сердце заколотилось от нового страха. Кто это? Охрана комплекса? Или... он передумал? Решил добить меня окончательно?

Белая иномарка – чистая, аккуратная, с шашечками такси на крыше – медленно прокаатила мимо, почти скрылась за углом, но вдруг резко затормозила. Потом медленно сдала назад и остановилась в нескольких метрах от меня. Фары погасли, оставив гореть только тусклые габариты. Я замерла, вжавшись в холодную стену, не дыша. Что ему нужно?

Дверь со стороны водителя открылась. Из машины вышел мужчина. Невысокий, темная куртка, джинсы. Лица в полумраке было не разглядеть. Он несколько секунд постоял у машины, глядя в мою сторону. Я видела его силуэт на фоне света от габаритных огней – спокойный, не угрожающий. Потом он что-то достал с заднего сиденья – свою куртку? – и медленно, очень медленно, пошел ко мне.

Каждый его шаг отдавался гулким стуком в моем сердце. Я сжалась еще сильнее, готовая кричать, бежать, но ноги словно приросли к мокрому асфальту. Он подошел почти вплотную. Теперь я могла разглядеть его лицо – молодое, обычное, с внимательными, спокойными глазами. Он не улыбался, но и не хмурился. Просто смотрел на меня – не с любопытством зеваки, не с осуждением праведника, а с каким-то тихим, глубоким сочувствием.

Он не сказал ни слова. Просто молча протянул мне свою куртку. Темную, простую, но, судя по виду, теплую и сухую. Я смотрела на куртку, потом на него, не понимая.

– Возьмите, – его голос был тихим, спокойным, без тени насмешки или фальши. – Вы совсем замерзли.

Руки сами потянулись к спасительной ткани. Я неуклюже натянула куртку – она была мне велика, пахла чем-то неуловимо мужским, чистым и немного кофе. Незнакомый запах, но он странным образом успокаивал, дарил иллюзию защиты.

– Вам нужно в тепло, – так же тихо сказал он. – Садитесь, я отвезу, куда скажете.

Я колебалась лишь мгновение. Выбора не было. Я была на грани обморока от холода и шока. Любое тепло, любое движение прочь от этого места казалось спасением. Я молча кивнула.

Он открыл передо мной заднюю дверь. Я скользнула на сиденье, кутаясь в его куртку, стараясь не касаться обивки своим полуголым мокрым телом. Он сел за руль, и машина плавно тронулась с места.

– Куда? – спросил он, не глядя на меня, сосредоточенно следя за дорогой.

– Проспект Мира... – голос прозвучал сипло, надтреснуто. Я назвала номер дома Полины. Единственного человека, к которому я могла сейчас поехать.

Мы ехали молча. Дождь барабанил по крыше, дворники монотонно счищали воду с лобового стекла. Город проплывал мимо разноцветными огнями, отражаясь в мокрых окнах. В салоне было тепло, играла тихая, ненавязчивая музыка – кажется, какой-то инструментальный джаз. Я сидела, сжавшись на заднем сиденье, пытаюсь унять дрожь.

Шок начал отступать, уступая место тупой, ноющей боли – не физической, а той, что разрывала душу на части. Вспышками всплывали картины: Глеб, его холодные глаза, сережка, его приказ...

Унижение горело огнем где-то в груди. Хотелось выть, кричать, бить кулаками по стеклу, но я лишь крепче стискивала зубы, глотая слезы.

Я украдкой посмотрела на водителя в зеркало заднего вида. Спокойный профиль, руки уверенно держат руль. Он молчал. Не задавал вопросов, не пытался заговорить, не бросал любопытных взглядов. Его молчание было... уважительным? Деликатным? Он словно понимал, что слова сейчас не нужны, что они только ранят. Но кто он? Почему остановился? Почему

помог? Простой таксист? Вряд ли. Было в нем что-то... не таксистское. Уверенность? Скрытая сила? Или просто человечность, от которой я так отвыкла в своем мире роскоши и фальши?

Я снова посмотрела на салон. Чистота была почти идеальной. Никаких затертых сидений, никаких ароматизаторов-«елочек». Слабый, едва уловимый запах хорошего кофе и еще чего-то – может быть, дорогого парфюма, но очень легкого, почти выветрившегося. На приборной панели – держатель для смартфона последней модели. Музыка – явно не радио «Шансон». Все это не вязалось с образом обычного таксиста, подрабатывающего ночью.

Кто он? Эта загадка немного отвлекла меня от боли, заставила мозг работать, цепляться за детали. Но ответа не было.

– Приехали, – его тихий голос вырвал меня из размышлений.

Машина остановилась у знакомого подъезда на Проспекте Мира. Старый сталинский дом, такой непохожий на стеклянную башню, из которой меня вышвырнули. Здесь жила Полина. Моя Поля. Мой единственный шанс на спасение этой ночью.

Я сидела еще мгновение, собираясь с силами. Мысль о том, что сейчас нужно будет выйти из машины, показаться перед подъездом в таком виде, снова вызвала приступ стыда. Но выбора не было. Я должна была идти.

Он повернулся ко мне, его лицо в свете уличного фонаря казалось бледным, а глаза – темными и полными серьезного беспокойства.

– Вы уверены, что у вас все будет хорошо? – снова спросил он, и в его голосе не было праздного любопытства, только искренняя забота.

– Да... спасибо... здесь... здесь подруга, – пролепетала я, избегая его взгляда.

В памяти снова всплыла сцена в гостиной – я стягиваю платье, бросаю его на пол, а моя сумочка остается лежать на диване, там, в той другой, враждебной вселенной. У меня не было ни копейки. Ни документов. Ничего.

Щеки вспыхнули огнем. Слезы снова подступили к глазам – на этот раз слезы беспомощности и стыда.

– Я... у меня нет... денег, – выдавила я, голос дрожал. – Простите... Я... Я потом...

Он мягко коснулся моей руки, прерывая мой сбивчивый лепет. Его прикосновение было легким, но уверенным.

– Не нужно, – сказал он тихо, но твердо. – Правда. Все в порядке. Идите. Вам нужно согреться.

Я подняла на него глаза, встречаясь с его прямым, спокойным взглядом. В нем не было ни капли осуждения, ни намека на снисхождение. Только тихое, глубокое сочувствие. Кто он, этот странный ночной спаситель?

– Спасибо, – прошептала я. – Я... я не знаю, как вас благодарить. Вы... Вы мне куртку...

– Оставьте себе, – он чуть заметно улыбнулся уголками губ. – Вам она сейчас нужнее. Идите.

Я кивнула, чувствуя, как к горлу подкатывает комок. Быстро открыла дверь и выскользнула из машины, плотнее запахивая его куртку. Подняла воротник, пытаюсь спрятать лицо. Холодный майский ветер тут же напомнил о себе, пробирая до костей. Я почти бегом бросилась к подъезду, нажав на кнопку домофона знакомый код. Пискнуло. Я толкнула тяжелую дверь и скрылась в относительно тепле подъезда.

Обернулась. Белая Kia K5 все еще стояла у тротуара. Он ждал. Ждал, пока я не войду внутрь, пока не буду в безопасности. Только когда я скрылась за дверью, он плавно тронулся и медленно поехал прочь, растворяясь в ночном дожде.

Я осталась стоять на первой ступеньке лестницы, переводя дыхание. Огромная благодарность смешивалась с жгучим стыдом и какой-то необъяснимой грустью. Я даже не спросила его имени. Незнакомец, который в самую страшную ночь моей жизни проявил больше человечности, чем мой собственный муж за шесть лет брака.

Подняться на третий этаж к Полине показалось восхождением на Эверест. Ноги были ватными, голова кружилась, каждый шаг отдавался болью в висках. Наконец, вот она – знакомая дверь, обитая темным дерматином. Я нажала на кнопку звонка, дрожащей рукой, прислушиваясь к звукам за дверью.

Щелкнул замок, дверь приоткрылась. В проеме показалась Полина. Сонная, растрепанная, в смешной пижаме с пингвинами. Она недоуменно моргнула, пытаясь сфокусировать взгляд.

– Лала? Ты чего так поздно? Что-то случилось? – ее голос был еще сонным, но уже встревоженным.

А потом ее глаза распахнулись от ужаса и изумления. Она увидела меня – в огромной мужской куртке, из-под которой виднелись только голые ноги и тонкое кружево белья у шеи. Мои мокрые, спутанные волосы, размазанная тушь, царапина на щеке, которую я, видимо, успела поставить себе, пока пыталась прикрыться от дождя.

– Господи! Лала! Что с тобой?! – воскликнула она, забыв про сон.

Она не стала задавать больше вопросов. Просто молча втянула меня внутрь, в теплую, пахнущую кофе и книгами прихожую ее уютной, немного захлавленной квартиры. Захлопнула за мной дверь, повернула ключ в замке. Потом обернулась, крепко обняла меня.

И в этот момент плотина прорвалась. Весь ужас, все унижение, весь холод и страх этой бесконечной ночи вырвались наружу безудержными, судорожными рыданиями. Я вцепилась в ее пижаму, как в спасательный круг, сотрясаясь всем телом, не в силах вымолвить ни слова, задыхаясь от слез.

– Тише, тише, моя хорошая... Все хорошо, ты здесь, ты в безопасности... – шептала Полина, глядя меня по спине, по мокрым волосам. Ее голос дрожал от сочувствия и сдерживаемой ярости. – Этот ублюдок... Глеб... Это он, да? Я его убью! Клянусь, я его убью!

Она не спрашивала, она знала. Знала, кто мог довести меня до такого состояния.

Кое-как она довела меня до ванной, помогла снять мокрую куртку незнакомца, которая теперь казалась невероятно тяжелой. Усадила на край ванны, закутав в большой пушистый махровый халат. Включила горячую воду.

– Сиди, грейся. Я сейчас принесу чай. И что-нибудь покрепче, кажется, это тот самый случай.

Она вернулась с огромной чашкой обжигающего чая с лимоном и медом и маленькой рюмочкой коньяка.

– Пей. И расскажешь. Когда сможешь.

Я сидела на краю ванны, закутанная в халат, пар от горячей воды поднимался вокруг, согревая озябшее тело. Медленно, глоток за глотком, я пила сладкий, обжигающий чай, потом сделала маленький глоток коньяка. Огонь пробежал по венам, немного разгоняя ледяной ужас. Дрожь постепенно унималась.

Полина сидела рядом, на закрытой крышке унитаза, терпеливо ждала, обхватив колени руками. Ее лицо было серьезным, в глазах горел гнев.

И я начала говорить. Сбивчиво, запинаясь, прерываясь всхлипами, я рассказывала ей все. Про сережку, про духи, про его холодность, про ссору, про его чудовищный приказ раздеться, про дверь, захлопнувшуюся перед моим носом, про холодную улицу, про дождь... Про таксиста, его куртку, его молчаливое сочувствие...

Я говорила долго, выплескивая всю боль, весь стыд, весь ужас, что накопились за эту ночь, за последние месяцы, за все шесть лет этого брака, который оказался такой красивой, но такой лживой оберткой.

Полина слушала молча, лишь крепче сжимая кулаки. Когда я закончила, она встала, подошла ко мне и снова крепко обняла.

– Мразь, – выдохнула она тихо, но с такой ненавистью, что я вздрогнула. – Конченная мразь. Лала, ты не виновата. Ни в чем. Слышишь? Это он – урод. Моральный урод.

Она отошла на кухню, плеснула себе воды и вернулась, выпила залпом. Потом решительно повернулась ко мне.

– Так. Хватит слез. Ты жива, ты здесь, ты в безопасности. Это главное. Первое – ты остаешься у меня. Сколько нужно. Второе – завтра утром мы звоним Максиму Игнатьевичу. Это лучший адвокат по разводам, которого я знаю. Дорогой, стервец, но он вытрясет из этого Воронцова все до последнего рубля. И за унижение, и за моральный ущерб, и за каждую твою слезинку. Он у меня попляшет, гаденыш! Третье – сейчас ты идешь спать. Я тебе постелю в гостиной на диване. А утром... утром начнем новую жизнь. С чистого листа. Вернее, с войны. Потому что я этого так не оставляю. Мы ему устроим. Слышишь, Лала? Мы ему покажем.

Ее прагматичный, боевой настрой немного отрезвил меня, пробился сквозь пелену отчаяния. Война? Да. Кажется, она только что началась. И отступить мне больше некуда. Я посмотрела на подругу – собранную, решительную, ее глаза метали молнии праведного гнева. Война. Она сказала «война». Это слово, такое страшное и чужое еще вчера, сегодня отозвалось внутри странным, гулким эхом. Да. Это была война. Война, которую он мне объявил, вышвырнув за порог в одном белье. И отступить мне было некуда.

– Да, Поля... – прошептала я, голос все еще был слабым, но в нем уже не было прежней безнадежности. – Ты права. Мы ему покажем.

Полина удовлетворенно кивнула. Ее прагматизм был моим спасательным кругом в этом море отчаяния. Она не давала мне утонуть в жалости к себе, она сразу строила баррикады.

– Вот и умница. А теперь марш отмокать, – она снова указала на ванну. – Я тебе сейчас найду что-нибудь чистое и сухое из своей одежды. Боюсь, по размеру будет немного велико, но лучше, чем... – она осеклась, не договорив, но я и так поняла. Лучше, чем мужская куртка поверх кружевного белья.

Пока я сидела в горячей воде, пытаюсь смыть с себя не только холод и грязь ночной улицы, но и липкое ощущение унижения, Полина уже хозяйничала в квартире. Я слышала, как она достает из шкафа постельное белье, как раскладывает диван в гостиной, как тихо гремит чем-то на кухне. Ее деловитые, уверенные звуки успокаивали, создавали иллюзию порядка посреди моего хаоса.

Когда я вышла из ванной, закутанная в ее же халат, на диване уже была постелена свежая постель, а рядом на стуле лежала стопка одежды: мягкие фланелевые пижамные штаны, старая, но чистая футболка с какой-то смешной надписью и толстые шерстяные носки.

– Вот, переодевайся, – сказала Полина, протягивая мне еще одну чашку горячего чая, на этот раз с ромашкой. – И ложись. Тебе нужно поспать хотя бы пару часов. Утро вечера мудренее, как говорится.

Я послушно переоделась. Чужая одежда была немного велика, но такая уютная, такая... безопасная. Я забралась под теплое одеяло на диване. Тело ломило от усталости и пережитого стресса, но сон не шел.

Глаза слипались, но стоило их закрыть, как перед внутренним взором снова вставало его лицо – лицо Глеба, искаженное холодной яростью, его приказ, его усмешка. И снова – ледяной дождь, стыд, отчаяние... Я вздрагивала и открывала глаза, вглядываясь в незнакомый потолок гостиной Полины.

Квартира подруги была полной противоположностью нашего с Глебом пентхауса. Небольшая, но уютная, с книжными полками до потолка, с немного потертым, но любимым диваном, с фотографиями на стенах – Полина в походе с друзьями, Полина с родителями, мы с ней и Милой на каком-то девичнике, смеющиеся и беззаботные... Другая жизнь. Нормальная жизнь. Которой у меня теперь не было. И, возможно, уже никогда не будет.

Полина заглянула в комнату, убедилась, что я лежу, приглушила свет, оставив гореть только маленький ночник в углу.

– Спи, Лала, – тихо сказала она. – Я рядом. Если что – зови.

Дверь в ее спальню тихонько прикрылась. Я осталась одна в тишине, нарушаемой лишь мерным тиканьем старых часов на стене да шумом дождя за окном, который все никак не унимался.

Мысли роились в голове, не давая покоя. Как он мог? Человек, которому я верила, которого любила (или думала, что любила?), с которым делила постель, мечты, планы... Как он мог так поступить? Так жестоко, так унижительно? Не просто изменить, не просто уйти – а растоптать, вышвырнуть, лишити всего одним движением. В чем была моя вина? В том, что я стала «предсказуемой»? «Обыденной»? В том, что любила его тихой, верной любовью, а не той хищной, требовательной страстью, которую, видимо, дарила ему та, другая? Чья сережка осталась в его кармане, как кровавая метка предательства.

Злость снова поднялась горячей волной, обжигая изнутри. Нет, я не виновата. Ни в чем. Полина права. Он – мразь. Он заслуживает всего того, что я теперь собираюсь с ним сделать. Война. Да. Я должна бороться. Не только ради себя, ради своей растоптанной гордости. Но и ради справедливости. Он не должен уйти безнаказанным.

Но как бороться? У меня нет ничего. Ни денег, ни работы, ни жилья. Даже одежды своей нет, кроме этого унижительного белья, которое сейчас лежит мокрым комком в ванной Полины. А у него – все. Деньги, власть, связи, лучшие адвокаты. Он раздавит меня, как букашку, если я попытаюсь рыпнуться. Страх снова поднял голову, холодный и липкий.

И тут, в этом вихре отчаяния и злости, мелькнул другой образ. Спокойное лицо незнакомца в такси. Его глаза – внимательные, сочувствующие, без тени осуждения. Его молчаливая помощь. Его куртка, все еще лежащая на стуле в прихожей Полины, источающая слабый, но ощутимый запах чужого, но безопасного тепла. Кто он? Почему он помог? В этом жестоком, циничном городе, где каждый сам за себя, откуда взялся этот странный, добрый самаритянин?

Эта мысль была как крошечный огонек свечи в непроглядной тьме. Знак? Случайность? Неважно. Важно то, что в самый страшный момент моей жизни нашелся человек, который проявил простое человеческое участие. Не муж, не родственники, не друзья (хотя Полина была сейчас бесценна), а совершенно чужой мужчина. Это давало... не надежду, нет, до надежды было еще слишком далеко. Но какое-то странное, иррациональное ощущение, что мир не окончательно сошел с ума. Что где-то в нем еще осталась доброта.

И с этой мыслью, похожей на первую слабую звезду, пробившуюся сквозь грозовые тучи, я наконец начала проваливаться в сон. Тяжелый, рваный, полный тревожных теней, но все же сон.

Тело, измученное холодом и стрессом, требовало отдыха. Мозг отключался, набираясь сил перед завтрашним днем. Днем, который должен был стать первым днем моей новой, никому не нужной, но моей собственной войны.

Глава 2

Первое, что ворвалось в сознание, был не запах кофе или шум просыпающейся Москвы за окном, а резкий, почти болезненный солнечный луч. Он пробился наглым золотым мечом сквозь щель между тяжелыми шторами гостиной Полины, ударил прямо в глаза, заставляя зажмуриться и застонать.

Где я?

Секундное, блаженное неведение, когда мозг еще не успел подгрузить файлы вчерашней ночи. Потолок – белый, с лепниной по углам, незнакомый. Спина затекла от неудобной позы на диване, который, хоть и был гостеприимно расстелен, явно не предназначался для комфортного сна взрослого человека, привыкшего к ортопедическому матрасу размером с небольшую европейскую страну.

А потом память вернулась. Лавиной. Обрушилась безжалостно, погребая под собой остатки сна и хрупкое подобие покоя. Холодный, хлещущий по лицу майский дождь. Ледяной, полный презрения взгляд Глеба. Его голос, ровный, спокойный, оттого еще более страшный: «Сними... Пошла вон».

Мерзкий холод мраморного пола подъезда под босыми ногами. Тонкое, почти неосязаемое кружевное белье, единственное, что осталось на мне – клеймо унижения, подарок от него же, из Милана. Огни ночного города, расплывающиеся перед глазами сквозь пелену слез и дождя. И лицо незнакомца в свете фар такси, его молчаливое сочувствие, его куртка, пахнувшая чем-то неуловимо спокойным...

Я резко села на диване, сердце заколотилось так сильно, что отдалось гулом в ушах. Все тело ломило, словно меня избили. Хотя... разве не так? Он избил меня – не физически, нет, до этого он никогда не опускался, предпочитая более изощренные методы, – но морально. Растоптал, раздавил, вышвырнул, как надоевшую игрушку.

Я опустила взгляд на себя. На мне была не моя одежда. Мягкие фланелевые штаны в клетку, явно Полины, и свободная серая футболка с выцветшей надписью «Keep Calm and Carry On». Какая ирония. Сохранять спокойствие. Сейчас это казалось такой же несбыточной мечтой, как полет на Марс.

Тишина в квартире давила. Было раннее утро, солнце только-только начинало золотить крыши старых домов напротив. Я осторожно сползла с дивана. Ноги коснулись теплого паркета. Хоть что-то теплое в этом новом, враждебном мире. На стуле рядом висела она – темная куртка таксиста. Мое единственное прикрытие прошлой ночью.

На цыпочках я прошла в ванную. Маленькая, но уютная, с разноцветными полотенцами и смешным ковриком в виде кота. Я включила воду, стараясь не шуметь, плеснула ледяной водой в лицо, пытаясь смыть остатки сна и вчерашнего кошмара.

Посмотрела в зеркало над раковиной. Оттуда на меня смотрела незнакомка. Бледная, с огромными, запавшими глазами, под которыми залегли темные тени. Губы потрескались, на щеке – красноватый след, то ли от слез, то ли я сама себя расцарапала ночью. Волосы, высохшие без фена, висели спутанными светлыми прядями. Жалкое зрелище. Это я? Евлалия Воронцова, еще вчера – жена одного из самых успешных девелоперов Москвы, хозяйка роскошного пентхауса, женщина, чьей жизни завидовали многие? Теперь – просто Лала. Без дома, без денег, без будущего. В чужой пижаме. В чужой квартире. В чужой жизни.

Я почистила зубы щеткой, которую Полина предусмотрительно оставила для меня на раковине – новой, в упаковке. Простой жест заботы, от которого снова предательски защипало в глазах. Как же давно я не чувствовала такой простой, бескорыстной заботы? Глеб... его забота всегда была другой. Контролирующей. Покупающей. Он дарил мне дорогие вещи, возил на

курорты, оплачивал счета, но за всем этим стояло одно – «ты моя, ты принадлежишь мне, ты должна быть благодарна». А здесь... здесь была просто дружба. Настоящая.

Когда я вышла из ванной, Полина уже была на кухне, заканчивая собираться на работу. Она стояла у плиты, помешивая что-то в турке, от которой шел божественный аромат свежесваренного кофе. На ней был строгий домашний костюм, но она явно спешила.

– О, проснулась? – она обернулась, и на ее лице мелькнула тень тревоги, но она тут же заставила себя улыбнуться. – Как спалось? Кофе будешь? Я тут сырники пытаюсь изобразить, правда, не уверена в результате.

Она старалась вести себя как обычно, не акцентировать внимание на моем состоянии, на вчерашней ночи. Эта ее внешняя собранность немного передалась и мне.

– Да, спасибо, Поля, – кивнула я, садясь за небольшой кухонный стол. – Спала... не очень. Но спасибо тебе. За все.

– Перестань, – она отмахнулась, ставя передо мной чашку с дымящимся кофе. – Для чего еще нужны подруги? Ешь давай. Тебе силы нужны. У нас сегодня много дел.

Сырники оказались немного подгоревшими, но пахли уютом. Я заставила себя съесть один, запивая его горьким, крепким кофе. Кусок застревал в горле, но я понимала – Полина права. Мне нужны силы. Предстоял долгий, тяжелый день. Первый день войны.

– Вот, держи, – Полина протянула мне стопку своей одежды. – Джинсы, свитер. Должно подойти, мы с тобой примерно одного размера, только ты повыше. Можешь пока носить, потом разберемся.

Я взяла одежду. Мягкий кашемировый свитер, удобные джинсы. Снова чужое. Но сейчас это было не унижительно, а... трогательно. Я переоделась в гостиной, пока Полина заканчивала свои сборы. Ее одежда действительно подошла, хоть и сидела немного свободнее, чем моя привычная. Но в ней было тепло. И как-то спокойнее.

Пока Полина была еще дома, я решила проверить свои счета, воспользовавшись ее ноутбуком. Руки дрожали, когда я вводила логин и пароль от своего онлайн-банка. Того самого, где лежали мои скромные личные сбережения – гонорары за редкие реставрационные заказы, которые я брала скорее для души, чем для заработка. Глеб всегда смеялся над моим «хобби», но не запрещал. Мелочь, на булавки. Но сейчас эта мелочь была моей единственной надеждой.

Страница загрузилась. Я затаила дыхание, глядя на строчки счетов. И сердце рухнуло в пропасть. Напротив каждой карты, каждого счета – и моего личного, и совместных, и даже старой зарплатной карты, про которую я почти забыла, – горела красная надпись: «Счет заблокирован. Операции невозможны». В деталях – сухая формулировка: «Блокировка по запросу основного владельца / службы безопасности банка».

Он не просто выгнал меня. Он не просто унизил. Он методично, холодно, расчетливо перекрыл мне все пути к существованию. Оставил без единого рубля. Без возможности купить даже бутылку воды или билет на метро. Полная, абсолютная финансовая кабала. Вот оно – истинное лицо его «любви» и «заботы». Контроль. Тотальный контроль. И беспощадность к той, кто посмела усомниться в его власти.

Паника подступила к горлу ледяным комом. Что делать? Как жить? Я закрыла лицо руками, пытаюсь сдержать рвущиеся наружу рыдания. Бесполезно. Слезы снова хлынули, на этот раз – слезы бессилия, отчаяния, страха перед будущим.

В этот момент завибрировал телефон Полины, лежащий на столе. Видеозвонок. Милана. Моя вторая подруга. Я глубоко вздохнула, пытаюсь взять себя в руки, стерла слезы и нажала на кнопку ответа.

На экране появилось ее лицо – яркое, с копной огненно-рыжих волос, обрамляющих бледное веснушчатое лицо с огромными зелеными глазами. Она была в своей мастерской на Чистых Прудах, на заднем плане виднелись холсты, мольберты, какие-то арт-объекты.

– Лалка! Привет! Поля сказала, ты у нее? Что случилось?! Она толком ничего не объяснила, сказала, ты сама расскажешь! Ты какая-то бледная... Этот козел Воронцов опять что-то учудил?!

Милана всегда была такой – вулкан эмоций, ураган страстей. Ее сочувствие было искренним, но бурным, иногда даже чрезмерным. Я попыталась рассказать ей, что произошло, стараясь говорить как можно спокойнее, но голос все равно срывался. Реакция Миланы была предсказуемой.

– ЧТО?! Он выгнал тебя?! Ночью?! В белье?! Да я его... я его порву на куски! Я приеду и морду ему набью! Нет, я сейчас же напишу пост в инстаграме! Пусть все знают, какая он скотина! Соберем пикет у его офиса! Сожжем его Гелендваген!

Ее пылкие, но совершенно нереальные предложения вызвали бы улыбку в другой ситуации, но сейчас они лишь подчеркивали мою беспомощность.

– Мила, успокойся, пожалуйста, – вмешалась Полина, которая услышала крики Миланы и подошла к ноутбуку. Она как раз уже была готова уходить, в строгом брючном костюме, с портфелем в руке. – Никаких постов и пикетов. Это только навредит Лале. Глеб – опасный человек, у него везде связи. Нужно действовать умно, а не на эмоциях. Я уже звоню адвокату. Лала, ты как? Держись?

– Держусь... – прошептала я. – Поля, он... он все карты заблокировал. Все. У меня ни копейки.

Милана ахнула. Полина помрачнела еще больше.

– Вот урод! Я так и думала. Значит, план такой. Максим Игнатьевич сейчас на совещании, но его помощница записала нас на завтра на утро. Сегодня – приходим в себя. Я вечером принесу немного наличных, тебе на первое время. Милка, ты можешь что-нибудь по работе для Лалы узнать? Какие-нибудь заказы на реставрацию? Мелочь хотя бы?

– Конечно! – тут же откликнулась Милана. – У меня есть знакомый антиквар на Арбате, вечно ноет, что реставраторов толковых нет. Я ему позвоню прямо сейчас! И еще в паре галерей поспрашиваю! Лалка, не вешай нос! Мы его сделаем, этого Воронцова! Ты у нас талант! Ты справишься!

Их поддержка – такая разная, но такая нужная – немного согрела душу. Я не одна. У меня есть они.

– Так, я побежала, – сказала Полина, взглянув на часы. – Мне действительно пора. Ты тут осваивайся. Вот ключи. Отдыхай. Прорвемся!

Она ободряюще сжала мое плечо и выскочила за дверь, оставив меня одну в тишине своей квартиры. Милана тоже отключилась, пообещав перезвонить, как только что-то узнает.

Тишина давила. Я подошла к окну. Москва просыпалась. Внизу спешили по своим делам люди, ехали машины. Обычная жизнь, которая текла своим чередом, не замечая моей личной катастрофы. Солнце уже поднялось выше, заливая комнату ярким, почти летним светом. Май в этом году выдался теплым. И таким жестоким.

Я снова села за ноутбук Полины. Закрывает страницу онлайн-банка с унизительной надписью «Счет заблокирован». Пустота снова начала заполнять все вокруг. Воспоминания нахлынули с новой силой. На этот раз – не только вчерашний ужас, но и то хорошее, что было. Наша свадьба – я, счастливая, в белом платье, он – красивый, влюбленный (или мне так казалось?), клянется в вечной любви. Наши путешествия – Рим, Париж, Мальдивы... Он умел быть щедрым, умел устраивать сюрпризы. Уютные вечера дома – мы смотрели кино, пили вино, разговаривали... Были же разговоры? Или это тоже была иллюзия?

Боль от этих воспоминаний была почти физической. Как это могло так закончиться? Так уродливо, так грязно? Неужели все это была ложь с самого начала? Или он изменился? Или изменилась я?

Может, я действительно стала скучной, предсказуемой, той самой «обыденностью», от которой он сбежал к яркой, хищной Изольде Бельской (я не знала ее имени, но Полина быстро пробила по своим каналам владельца рубиновых сережек, мелькавших в светской хронике рядом с Глебом)?

Мысли метались, жалили, терзали. Чувство вины боролось с обидой, любовь (или то, что от нее осталось) – с ненавистью. Хотелось найти ему оправдание, понять его мотивы, но перед глазами снова вставала сцена у двери – его холодные глаза, его приказ, мое унижение.

Нет. Этому нет оправдания. Никакого.

И тогда, сквозь боль и слезы, сквозь сомнения и страх, начало прорастать что-то другое. Холодное, твердое, как сталь. Ярость. Чистая, незамутненная жалостью или любовью. Ярость на него – за предательство, за ложь, за жестокость. И ярость на себя – за свою слепоту, за свою слабость, за то, что позволила так с собой обращаться.

Хватит. Хватит быть жертвой. Хватит плакать и жалеть себя. Он растоптал меня? Хорошо. Я поднимусь. Соберу себя по осколкам. И стану сильнее. Умнее. Жестче. Я докажу ему. Докажу себе. Докажу всему миру, что Евлалия Воронцова... нет, не Воронцова, а Романова – это не просто красивое приложение к успешному мужу. Я – личность. Я – талантливый реставратор. Я – женщина, которая способна выстоять и победить.

Он хотел войны? Он ее получит.

Я вернулась к ноутбуку. Открыла поисковик. «Найти работу реставратором Москва». «Курсы повышения квалификации реставрация». «Как начать свое дело». Руки все еще дрожали, но пальцы уже уверенно стучали по клавишам.

Вечером вернулась Полина. Уставшая, но решительная.

– Так, новости. Встреча с Максимом Игнатьевичем завтра в десять. Он сказал готовиться к тяжелой борьбе, Глеб наверняка подключит лучших юристов. Но шансы есть, особенно если доказать факт твоего изгнания и финансового давления. Свидетели?

– Только ты, Поля. И тот таксист, но как его найти?

– Будем искать. Далее. Я принесла тебе немного наличных, – она положила на стол пачку пятидесяти тысяч купюр. – На первое время. Вернешь, когда сможешь. И еще, – она достала из сумки свой старый смартфон, – вот, держи. Мой старый, но рабочий. Симку купим завтра. Тебе нужна связь.

– Поля, я... я не знаю, как тебя благодарить...

– Перестань. Мы подруги. Теперь главное – план. Первое – работа. Любая, для начала. Второе – твои вещи и документы. Завтра Максим Игнатьевич составит официальный запрос адвокату Глеба. Если откажут – будем вызывать полицию и вскрывать квартиру с участковым. Третье – жилье. У меня ты можешь остаться неделю, ну две максимум. Потом нужно будет что-то искать. Студию, комнату – неважно, лишь бы свой угол.

Мы сидели на кухне допоздна, обсуждая детали, взвешивая риски, строя планы. Полина была моим штабом, моим мозговым центром. Ее уверенность и прагматизм заражали.

– И последнее, Лала, – сказала она уже перед сном, глядя мне прямо в глаза. – Месть – это, конечно, хорошо. И он ее заслужил. Но не позволяй ей сжечь тебя изнутри. Твоя главная цель сейчас – выжить. Встать на ноги. Построить свою жизнь заново. А лучшая месть – это твой успех и твое счастье. Без него. Помни об этом.

Я кивнула, чувствуя, как внутри что-то окончательно становится на свои места. Да. Выжить. Стать сильной. И счастливой. Вопреки ему. Ради себя.

Глава 3

Тяжелое, свинцовое утреннее небо давило на виски не хуже воспоминаний о той самой ночи. Я проснулась рывком, словно от толчка, хотя в гостиной Полины царила абсолютная тишина. Тело затекло, диван, еще вчера казавшийся спасительным убежищем, сегодня ощущался пыточным ложем, каждая пружина которого впивалась в ноющие мышцы. Но это была не та боль, что парализует. Это была злая, тупая боль унижения, которая странным образом отрезвляла.

Вчерашняя ярость, клокотавшая внутри после разговоров с подругами и осознания своего полного финансового краха, за ночь не испарилась. Она словно перегорела, оставив после себя холодный, твердый пепел. Пепел, из которого, как я отчаянно надеялась, мог родиться феникс. Или хотя бы просто женщина, способная дать сдачи.

Я заставила себя сесть. Голова кружилась, во рту стоял привкус вчерашнего ужаса и дешевого коньяка Полины, который мы выпили почти до дна в попытке заглушить мою боль. Я оглядела комнату – книги на полках, плед, небрежно брошенный на кресло, стопка бумаг на журнальном столике. Чужая жизнь. Чужой порядок.

А моя жизнь – это хаос, руины, из которых нужно было как-то выбирать.

Полины уже не было. На кухонном столе стоял термос с дымящимся кофе и лежала записка, написанная ее четким, уверенным почерком: «Лалка, держи хвост пистолетом! Умчалась на работу, буду вечером. Кофе тебе сварила. Звони, если что. Целую, твоя П.»

Рядом лежала скромная сумма наличными – несколько пяти тысячных купюр. Моя щедрая, моя прагматичная Поля. Она всегда знала, что слова поддержки хороши, но реальная помощь – еще лучше. Я смотрела на эти деньги, и к горлу снова подкатил комок – смесь благодарности и жгучего стыда за то, что я, взрослая женщина, жена (пусть и бывшая) миллионера, теперь завишу от подачек подруги. Но гордость сейчас была непозволительной роскошью. Эти деньги – мой стартовый капитал в новой жизни.

Я медленно подошла к зеркалу у прихожей. Вчерашняя незнакомка смотрела на меня все так же осуждающе, но что-то изменилось в ее взгляде. Пропала растерянность, уступив место холодной, стальной решимости. Да, я разбита. Да, я унижена. Но я не сломлена. Еще нет.

Нужно было действовать. Сегодня – встреча с адвокатом. Максим Игнатьевич. Звучит солидно. Полина сказала, он лучший в Москве по бракоразводным делам, особенно сложным, с большими деньгами и влиятельными мужьями. «Стервец первостатейный, – добавила она вчера с мрачным удовлетворением, – но именно такой нам и нужен. Он из Глеба душу вытрясет».

Я натянула вчерашние джинсы и свитер Полины. Они снова показались чужими, но теперь я воспринимала их иначе – как броню, как униформу солдата, идущего на войну. Я сделала макияж – тщательно замазала темные круги под глазами, подкрасила ресницы, тронула губы почти незаметным блеском. Нужно было выглядеть не жертвой, а человеком, готовым бороться за свои права. Хотя внутри все сжималось от страха перед неизвестностью.

До офиса адвоката на Старом Арбате я добиралась на метро, впервые за много лет. Ощущения были странными – толпа, гул, запахи чужих жизней. Я чувствовала себя неуютно, непривычно, словно выброшенная из аквариума рыбка. В своем мире я передвигалась на машине с водителем или на такси бизнес-класса. Этот мир – мир обычных людей, спешащих по своим делам, – казался мне теперь чужим и немного враждебным.

Офис Максима Игнатьевича располагался в старинном особняке, за массивной дверью с начищенной медной табличкой. Внутри – тишина, дорогая мебель из темного дерева, запах

кожи и едва уловимый аромат дорогих сигар. Секретарь, молодая девушка с безупречным маникюром и холодными глазами, проводила меня в кабинет шефа.

Максим Игнатьевич оказался мужчиной лет пятидесяти, с цепким взглядом умных, чуть прищуренных глаз, сединой на висках и идеально сидящим костюмом. Он не предложил мне кофе, не рассыпался в любезностях. Просто указал на кресло напротив своего огромного стола и начал задавать вопросы. Короткие, точные, бьющие не в бровь, а в глаз.

– Брачный договор? – его голос был сухим, лишенным эмоций.

– Нет, – прошептала я. Глеб тогда сказал, что это формальность, оскорбляющая их «великую любовь». Я, дура, поверила.

– Совместно нажитое имущество? Недвижимость, счета, акции, бизнес? Что оформлено на вас лично?

– Ничего... Почти. Квартира его, машина его... Счета общие, но он основной владелец. У меня была только небольшая мастерская дома, мои инструменты, материалы... И личные сбережения, которые он заблокировал.

– Мастерская дома? Документы на оборудование, чеки на материалы сохранились? Хотя что-то, подтверждающее вашу профессиональную деятельность и вклад?

Я покачала головой. Все чеки, все бумаги остались там, в пентхаусе. Я никогда не думала, что это может понадобиться. Моя работа была для меня отдушиной, а не источником дохода, Глеб всегда подчеркивал, что «обеспечивать семью – мужская обязанность».

– Факт измены доказуем? Свидетели, фото, переписка?

– Сережка... Запах духов... Но это не доказательства, – я замаялась, не решаясь рассказать про Изольду, про то, что Полина уже узнала ее имя. Зачем? Это только унизит меня еще больше.

– Изгнание из дома. Свидетели? Консьерж? Камеры наблюдения в подъезде, на улице?

– Не знаю... Возможно... И тот таксист, который меня подобрал. Но я не знаю, кто он.

– Полицию вызывали? Факт зафиксирован?

– Нет... я... я была не в том состоянии...

Максим Игнатьевич слушал меня молча, постукивая дорогой шариковой ручкой по столу. Его лицо оставалось непроницаемым, но я видела, как в его глазах гаснет даже тот слабый огонек профессионального интереса, который был вначале. Ситуация была хуже некуда. Безнадежна.

– М-да, – протянул он наконец, откидываясь в кресле. – Ситуация, прямо скажем, незавидная, Евлалия... э-э...

– Воронцова, – подсказала я фамилию, от которой мысленно уже отреклась. – В девичестве Романова.

– Евлалия Андреевна, – поправился он. – Ваш муж, Глеб Сергеевич Воронцов, – весьма влиятельная фигура. И он явно не намерен играть по правилам. Блокировка счетов – законна, если он основной владелец. Доказать факт измены без прямых улик сложно. Доказать факт вашего изгнания, тем более в таком... виде, без свидетелей и фиксации – практически невозможно. Он выставит вас неуравновешенной истеричкой, устроившей скандал и сбежавшей по своей воле. А его адвокаты... поверьте, у него лучшие адвокаты в Москве. Они перевернут все с ног на голову.

Я слушала его, и ледяной холод снова сковал сердце. Все мои надежды на справедливость, на то, что закон на моей стороне, рассыпались в прах. Я была абсолютно беззащитна перед ним.

– Значит... значит, ничего нельзя сделать? – прошептала я, чувствуя, как слезы снова подступают к горлу.

– Я этого не говорил, – тон Максима Игнатьевича стал чуть жестче. – Нельзя опускать руки. Но нужно быть реалисткой. Быстрого и легкого решения не будет. Это будет война. Долгая, грязная, изматывающая. Вам придется бороться за каждый рубль, за каждую вещь. И вам

нужны будут доказательства. Любые. Переписки, записи разговоров, финансовые документы, свидетели его неадекватного поведения, его измен, его... возможно, не совсем законной деятельности. Все, что может его скомпрометировать. Это ваш единственный шанс получить хоть что-то приличное при разделе имущества и защитить себя от его дальнейших атак.

Он посмотрел на меня в упор. – Вы готовы к такой войне, Евлалия Андреевна? Готовы идти до конца? У вас хватит сил? И... средств? Мои услуги стоят дорого.

Я сидела, раздавленная его словами, его трезвой оценкой ситуации. Война. Грязная. Изматывающая. Готова ли я? Хватит ли у меня сил? А главное – денег? Пачка купюр, оставленная Полиной, казалась теперь такой жалкой, такой ничтожной по сравнению с теми суммами, которые понадобятся на эту битву.

Но отступать было некуда. Вспомнилось лицо Глеба, его холодные глаза, его приказ. Вспомнился ледяной дождь, стыд, отчаяние. И та ярость, которая родилась из этого пепла.

– Да, – сказала я твердо, поднимая на него глаза. Голос уже не дрожал. – Я готова. Я буду бороться.

Максим Игнатьевич кивнул, в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

– Хорошо. Мне нравится ваш настрой. Полина Игоревна предупредила о вашей финансовой ситуации. Учитывая обстоятельства и ее рекомендацию, я готов пойти на уступки по оплате. Но работать придется много. Начнем с официального запроса о возврате ваших личных вещей и документов. Посмотрим на его реакцию. И начинайте собирать информацию. Все, что сможете найти.

Остаток дня я провела за ноутбуком Полины, погрузившись в мучительный и унижительный процесс поиска работы. Сайты вакансий пестрели предложениями, но ни одно из них не подходило. Реставратор антикварной мебели – профессия редкая, требующая не только навыков, но и репутации, связей, портфолио. Всего того, чего у меня сейчас не было.

Мое скромное портфолио, которое я собирала по крупицам, осталось на моем личном ноутбуке, там, в пентхаусе. Фотографии работ, которые я иногда выкладывала в соцсетях, были любительскими, не передающими всей тонкости дела. Рекомендации? От кого? От Глеба, который считал мою работу блажью? Или от тех редких клиентов, контакты которых тоже остались в недостижимой зоне?

Я рассылала резюме, написанное наспех с помощью Полины прошлой ночью, в котором обтекаемо указывался «опыт работы по частным заказам». Ответов не было. Тишина. Или вежливые отказы: «К сожалению, на данный момент вакансий нет», «Ваша квалификация не соответствует нашим требованиям», «Нам нужен специалист с опытом работы в музейной реставрации».

Каждый отказ бил по самооценке, по только-только зарождающейся уверенности. Может, Глеб прав? Может, без него я действительно никто? Пустое место?

Я позвонила в несколько антикварных салонов и реставрационных мастерских, которые нашла в интернете. Голос дрожал, когда я представлялась и спрашивала о работе. Ответы были вежливыми, но неутешительными. Рынок узкий, конкуренция высокая, все места заняты. В одной мастерской пожилой мастер, выслушав меня, вздохнул: «Девушка, да кто ж вас так возьмет, без портфолио, без рекомендаций? Нынче время такое, никому кота в мешке не надо. Приносите примеры работ, тогда и поговорим».

Приносить примеры работ... Легко сказать.

К обеду я была совершенно вымотана. Не от физической усталости, а от моральной. От ощущения безысходности, от того, что я бьюсь головой о стену. Я сидела на кухне Полины, тупо глядя в окно на спешащих куда-то людей, и чувствовала, как отчаяние снова подступает к горлу.

И тут зазвонил телефон – тот самый, который дала мне Полина, с новой, никому не известной симкой. Я вздрогнула. Кто это мог быть? Адвокат? Милана? Или... он? Глеб? Узнал номер?

Сердце заколотилось. Я посмотрела на экран. Номер был незнакомый. Я нажала на кнопку ответа, поднесла телефон к уху, боясь услышать холодный, насмешливый голос мужа.

– Алло? – мой голос прозвучал сипло.

– Евлалия Андреевна Романова? – спросил незнакомый мужской голос. Приятный баритон, вежливый, но деловой.

– Да... это я. А кто это?

– Меня зовут Степан Аркадьевич Орловский. Я владелец небольшой антикварной галереи на Пречистенке. Мне ваш контакт дала Милана Арсеньева, фотограф. Она сказала, вы – реставратор мебели и ищете работу или заказы?

Я замерла, не веря своим ушам. Милана! Моя сумасбродная, но такая верная Милка! Она нашла!

– Да... да, это я! Ищу! Очень! – выпалила я, чувствуя, как по щекам снова катятся слезы, но на этот раз – слезы облегчения и благодарности.

– Отлично, – голос Орловского оставался спокойным, но в нем послышались теплые нотки. – У меня как раз есть один интересный объект. Старинное кресло, карельская береза, начало девятнадцатого века. Требуется деликатная реставрация обивки и полировки. Сложная работа, не каждый возьмется. Милана очень вас рекомендовала, сказала, у вас золотые руки и тонкий вкус. Вы могли бы подъехать завтра, посмотреть? Обсудим детали, условия.

– Да! Конечно! Завтра! В любое время! – я была готова ехать прямо сейчас.

– Договорились. Тогда жду вас завтра в час дня у себя в галерее. Адрес я пришлю сообщением. До встречи, Евлалия Андреевна.

– До встречи, Степан Аркадьевич! Спасибо! Огромное спасибо!

Он повесил трубку. Я сидела, сжимая телефон в руке, и улыбалась сквозь слезы. Шанс. Маленький, хрупкий, но шанс. Работа. Настоящая работа по специальности. Возможность доказать – себе, Глебу, всему миру – что я чего-то стою. Что я могу.

И тут телефон пикинул снова. Номер Глеба. Я похолодела. Рука дрогнула, но я заставила себя ответить. Нельзя показывать страх. Нельзя давать ему повод думать, что он победил.

– Да, – сказала я как можно ровнее.

– Как дела, Лалочка? – его голос был вкрадчивым, почти ласковым, но от этой фальшивой нежности по спине пробежал мороз. – Как тебе свободная жизнь? Небось, уже по теплой постельке и вкусным ужинам соскучилась?

Я молчала, стиснув зубы.

– Я тут подумал... Может, я погорячился? Все-таки шесть лет вместе... не чужие люди. Может, встретимся, поговорим? Обсудим все спокойно? Ты ведь знаешь, я щедрый. Можем договориться по-хорошему. Без адвокатов, без скандалов. Приезжай сегодня вечером. Я буду ждать. В нашем ресторане, помнишь? На Патриарших. В восемь. Не опаздывай.

Он говорил так, словно делал мне великое одолжение. Словно я должна была броситься ему на шею от благодарности за возможность «договориться по-хорошему». Унизить, выбросить, лишить всего, а потом – «приезжай, поговорим, я щедрый». Какая наглость! Какое чудовищное самомнение!

– Нет, Глеб, – ответила я холодно, стараясь, чтобы голос звучал как можно тверже. – Я не приеду. Ни сегодня, ни завтра. Все наши дальнейшие разговоры – только через адвокатов. Моего адвоката. И твоего.

На том конце провода повисла тишина. Потом я услышала его тихий, злой смешок.

– Вот как? Адвоката уже нашла? Быстро ты. Ну что ж, Лала. Как хочешь. Только потом не жалуйся. Ты сама выбрала войну. А на войне, как известно... – он сделал паузу, и голос его стал ледяным, – пленных не берут. Не забывай об этом.

Он повесил трубку. Я сидела, глядя на погасший экран. Руки дрожали, но это была уже не дрожь страха. Это была дрожь ярости. Война так война. И я буду драться. До конца.

Вечером вернулась Полина. Я рассказала ей про звонок от Орловского, про Глеба. Полина расцвела от новости про работу, но помрачнела, услышав про угрозы Глеба.

– Он не шутит, Лала, – сказала она серьезно. – Этот человек способен на все, если его загнать в угол или уязвить его самолюбие. Будь предельно осторожна. И никаких встреч с ним наедине, слышишь? Только с адвокатом.

Мы снова сидели на кухне, обсуждая планы. Полина помогла мне найти в интернете фотографии моих старых работ, которые я когда-то выкладывала на своей странице в соцсети. Качество было не ахти, но это хоть что-то, чтобы показать Орловскому. Мы продумали, как я буду добираться завтра до галереи, что говорить, как вести себя.

– Ты справишься, – сказала Полина на прощание, когда я уже укладывалась спать на диване. – Ты сильная. Гораздо сильнее, чем ты думаешь. И чем он думает.

Я закрыла глаза. Ярость внутри немного утихла, сменившись странным, холодным спокойствием. Да, я боялась. Но страх больше не парализовал. Он стал топливом. Топливом для моих дальнейших свершений. И завтрашний день – встреча с Орловским, это лишь первый шаг к полной независимости от Глеба.

♥# Нравится книга? Подпишитесь на мою страницу по этой ссылке: <https://litnet.com/shrt/X-Tt> Просто нажмите кнопку "**Отслеживать автора**" вверху профиля! Плюсик к карме и +100 к моей мотивации работать еще больше ради Вас! ♥#

Глава 4

Тишина давила на барабанные перепонки гулким, вязким вакуумом, непривычным после долгих лет жизни под аккомпанемент приглушенных звуков системы «умный дом», едва слышного гула вентиляции и далекого шума мегаполиса за панорамными окнами пентхауса.

Здесь, в небольшой, уютной, но такой чужой квартире Полины на Проспекте Мира, тишина была другой – живой, наполненной скрипом старого паркета, мерным тиканьем часов на стене и предрассветным шепотом города за окном.

Я проснулась задолго до будильника, резко вынырнув из короткого, тревожного сна, в котором снова и снова прокручивались осколки вчерашнего дня.

Голос Глеба по телефону – вкрадчивый, фальшиво-ласковый, а потом ледяной, полный неприкрытой угрозы: «Ты сама выбрала войну... пленных не берут».

Сухие, безжалостные слова адвоката Максима Игнатьевича, развеявшие последние иллюзии о легком разводе и справедливом разделе: «Доказать сложно... Глеб влиятелен... Готовьтесь к долгой, грязной борьбе... Вам нужен компромат».

Унизительные отказы в реставрационных мастерских, где на меня смотрели как на пустое место без портфолио и рекомендаций. И наконец – тоненький лучик надежды, звонок от Степана Аркадьевича Орловского, владельца галереи на Пречистенке, которому Милана умудрилась меня сосватать. «Старинное кресло... карельская береза... подъезжайте завтра, посмотрим...»

Завтра наступило. Сердце сжималось от смеси панического страха и отчаянной, почти болезненной надежды. Это мой шанс. Возможно, единственный. Шанс доказать – не Глебу, нет, ему я уже ничего доказывать не хотела, – а себе, что я чего-то стою сама по себе. Что мои руки, мой опыт, моя страсть к старинным вещам – это не просто «милое хобби», как презрительно называл это муж, а профессия, которая может меня прокормить. Хотя бы прокормить. О большем я пока и не мечтала.

Я лежала на диване, тело ломило от неудобной позы и пережитого стресса. За окном серело небо, обещая еще один типично московский майский день – прохладный, пасмурный, с угрозой дождя. Вставать не хотелось. Хотелось снова зарыться под одеяло, спрятаться от этого нового, враждебного мира, в который меня так безжалостно вышвырнули. Но вчерашняя холодная ярость, родившаяся из пепла унижения, не утихла. Она тлела внутри ровным, злым огоньком, заставляя двигаться.

Полины не было. Она, вечный трудоголик, наверняка умчалась на работу еще затемно, оставив на кухонном столе очередную записку своим четким, юридически выверенным почерком: «Лалка, удачи сегодня у Орловского! Помни, ты лучшая! Завтрак в холодильнике, кофе в термосе. Целую, твоя П.»

Я заставила себя выпить кофе, почти не чувствуя вкуса. Потом села за ноутбук Полины. Портфолио. Боже, какое портфолио? Все мои фотографии, все наработки остались на моем личном компьютере, там, в той прошлой жизни, за захлопнувшейся дверью пентхауса.

Единственное, что пришло в голову вчера вечером, когда мы с Полиной лихорадочно пытались собрать хоть что-то, – это мои старые, полузабытые аккаунты в соцсетях. Заброшенный блог на LiveJournal, который я вела еще в студенчестве, выкладывая туда первые неумелые попытки реставрации. Старый альбом ВКонтакте с фотографиями «для друзей», где мелькали мои работы, снятые наспех, на телефон, при плохом освещении, часто вперемешку с котиками и цветочками.

Я открыла эти пыльные архивы своей прежней, наивной жизни. Вот оно – кресло «до» и «после», разница видна, но качество снимка ужасное, все в тени, цвет искажен. Вот фрагмент

инкрустации на старинной шкатулке – красивая работа, тонкая, но на фото блики, пылинки, и общий вид изделия непонятен.

Вот я сама, улыбающаяся, стою в своей маленькой мастерской (Глеб тогда еще разрешал мне занимать угол в одной из комнат), на заднем плане – полуразобранный комод, какие-то баночки с лаком...

Любительщина. Стыдная, жалкая любительщина. Как я могу показать это Орловскому, владельцу респектабельной галереи? Он же просто рассмеется мне в лицо.

Руки опустились. Отчаяние снова подступило к горлу. Может, не ехать? Сказать, что заболела? Сказать, что передумала? Но тогда что? Снова рассылать резюме без ответа? Жить на деньги Полины? Нет. Это не выход. Нужно идти. Даже с этим убогим подобием портфолио. Нужно хотя бы попытаться.

Я скопировала несколько самых приличных, на мой взгляд, фотографий на флешку. Потом начала мучительно выбирать одежду.

Что надеть, чтобы выглядеть профессионально, но при этом не жалко? Вещи Полины – стильные, деловые, но они сидели на мне чуть мешковато, кричали о том, что они чужие.

Моей собственной одежды у меня не было – только то унизительное кружевное белье, которое сейчас вялым комком лежало где-то в корзине для грязного белья в ванной Полины, да мужская куртка таксиста, все еще висевшая на вешалке в прихожей.

Мысль о куртке и о ее владельце вызвала мимолетную волну тепла. Его спокойные глаза, его молчаливое сочувствие, его неожиданная доброта той страшной ночью. Кто он? Почему помог? Эти вопросы так и остались без ответа, но само воспоминание о нем придало немного сил. Не все в этом мире – Глебы. Есть и другие люди.

Я остановила свой выбор на строгих темно-синих брюках и белой блузке Полины. Да, немного не по размеру, но строго, почти официально. Волосы собрала в низкий хвост. Минимум косметики – только чтобы скрыть синяки под глазами и придать лицу хоть какой-то цвет.

В зеркале отразилась бледная, серьезная женщина с испуганными, но решительными глазами. Не реставратор с именем, но и не заплаканная раздавленная жертва. Просто человек, которому очень нужна эта работа.

До Пречистенки я добиралась на метро, экономя каждый рубль из Полининых денег.

Галерея Степана Аркадьевича Орловского располагалась в тихом переулке, за скромной дверью без кричащей вывески. Внутри царил атмосфера респектабельной тишины, прерываемой лишь скрипом старинных половиц.

Пахло воском, полированным деревом и пылью веков. Стены были увешаны картинами в тяжелых рамах, в витринах тускло поблескивало старинное серебро, фарфор, стекло. Мебель – темная, массивная, явно с историей. Здесь не было показной роскоши пентхауса Глеба, но чувствовалось подлинное богатство – богатство времени, искусства, традиций.

Меня встретил сам Орловский – мужчина лет пятидесяти с небольшим, сухощавый, с пронизательными, чуть прищуренными глазами за стеклами очков в тонкой роговой оправе. Одет он был неброско, но элегантно – мягкий твидовый пиджак, кашемировый джемпер, идеально выглаженные брюки.

Он не был похож ни на моего адвоката, циничного и жесткого, ни на Глеба, с его аурой агрессивной власти. В Орловском чувствовались интеллигентность, глубокие знания и, возможно, легкий снобизм ценителя прекрасного.

— Евлалия Андреевна? Прошу вас, – он указал на два старинных кресла у небольшого столика. – Милана мне о вас рассказывала. Сказала, у вас редкий дар чувствовать дерево, понимать душу старых вещей.

Я села, чувствуя, как колотится сердце. От его слов стало немного теплее, но и страшнее – оправдать такую рекомендацию! Я достала ноутбук Полины, открыла папку с жалкими фотографиями.

— Степан Аркадьевич, я должна сразу объяснить... У меня сейчас нет доступа к моему основному портфолио, оно осталось... в другом месте. Все, что я могу показать, это несколько старых снимков, качество ужасное, но...

Я замялась, голос предательски дрогнул. Орловский взглянул на экран, быстро пролистав фотографии. Его лицо оставалось непроницаемым.

— Да, качество оставляет желать лучшего, – констатировал он спокойно. – Но кое-что увидеть можно. Рука чувствуется. Технику знаете? С разными породами дерева работали? Лаки, политура, маркетри?

Он начал задавать вопросы. Точные, профессиональные. О методах снятия старого покрытия, о способах борьбы с древоточцем, о подборе шпона, о тонкостях золочения... Я отвечала, и чем больше он спрашивал, тем увереннее становился мой голос. Я знала ответы. Я любила это. Это было мое. Моя территория, где я чувствовала себя не приложением к Глебу, не жертвой обстоятельств, а специалистом.

Орловский слушал внимательно, иногда кивая, иногда задавая каверзные уточняющие вопросы. Он явно проверял меня, но не унижительно, а скорее... с интересом. Как эксперт оценивает другого эксперта.

Наконец, он удовлетворенно хмыкнул.

— Что ж, теория у вас на уровне. Посмотрим, как с практикой. Пойдемте, покажу вам пациента.

Он провел меня в небольшую комнату в глубине галереи, служившую, видимо, мастерской или складом. Здесь пахло скипидаром, лаком и столярным клеем – знакомые, почти родные запахи. Посреди комнаты, накрытое белой простыней, стояло оно. Орловский аккуратно снял покрывало.

Кресло. Изящное, на гнутых ножках, с высокой спинкой и резными подлокотниками.

Карельская береза, ее неповторимый перламутровый рисунок угадывался даже сквозь потускневший, потрескавшийся лак. Начало девятнадцатого века, ампир, возможно, петербургская работа.

Вещь была прекрасна в своей изначальной гармонии, но время и небрежное обращение оставили на ней свои безжалостные следы. Обивка – некогда, видимо, дорогой шелк или бархат – выцвела, истерлась до дыр, пружины сиденья просели. Дерево было исцарапано, в нескольких местах виднелись темные пятна, похожие на следы от воды или чего-то еще, мелкие сколы на резных элементах нарушали общую линию.

— Работа деликатная, Евлалия Андреевна, – повторил Орловский, внимательно наблюдая за моей реакцией. – Чуть передавишь при расчистке – испортишь патину. Не тот лак подберешь – убьешь блеск карельской березы. Ткань нужна аутентичная или очень близкая по стилю и фактуре. И с пружинами придется повозиться. Не каждый возьмется. А те, кто возьмется, ломают такие цены, что проще новое купить. Но я не хочу новое. Я хочу вернуть к жизни именно это кресло. У него есть история. Душа.

Я молча подошла ближе. Мои пальцы сами потянулись к дереву – гладкому, но холодному, хранящему память десятилетий. Я провела ладонью по резному подлокотнику, ощущая под пальцами неровности сколов. Осторожно приподняла край истлевшей обивки, заглядывая внутрь, оценивая состояние каркаса, пружин, набивки.

Глаза горели профессиональным азартом, руки чесались немедленно приступить к работе. Я уже видела, как оно будет выглядеть после реставрации – снова сияющее перламутровым блеском дерева, обитое благородной тканью, гордое, изящное.

Я начала говорить. Быстро, увлеченно, забыв о своей неуверенности, о страхах, о Глебе. Говорила о том, как нужно будет аккуратно снять старый лак, не повредив древесину, как обработать от возможных вредителей, как заделать сколы и трещины, используя технику подгонки вставок из той же породы дерева. Как подобрать правильную морилку, чтобы выровнять тон, и

какой шеллачный лак даст тот самый, нужный блеск и глубину. Как перебрать и укрепить пружинный блок, заменить набивку на традиционный конский волос. И какая ткань – возможно, репс или дамаст с неброским классическим рисунком – идеально подойдет к стилю эпохи и красоте самой березы.

Орловский слушал молча, его глаза за стеклами очков внимательно следили за моими руками, за выражением моего лица. Когда я закончила, он помолчал немного, а потом медленно кивнул.

— Хорошо. Очень хорошо, Евлалия Андреевна. Вы действительно... чувствуете вещь. Беру вас на пробу. – Он назвал сумму аванса. Она была скромной, учитывая сложность работы, но для меня сейчас – целым состоянием. Прожиточным минимумом на ближайший месяц. – Вот, возьмите. Остальное – по завершении. Срок – две недели. Думаю, вам придется работать здесь, у меня, перевозить его рискованно. Место я вам организую. Справитесь?

— Да! – выдохнула я, чувствуя, как по щекам катятся слезы облегчения. – Да, Степан Аркадьевич! Я справлюсь! Я вас не подведу! Спасибо!

Он чуть заметно улыбнулся уголками губ.

— Я надеюсь. Милана вас очень рекомендовала. Не хотелось бы в ней разочаровываться.

Я взяла протянутые им купюры. Они были настоящими, теплыми от его рук. Первая моя зарплата. Первый шаг к независимости. Первый бой, который я, кажется, выиграла. Чувство головокружительного облегчения смешивалось с тяжестью огромной ответственности. Не подвести. Ни Милану, ни Орловского. Ни себя.

Я вышла из галереи на улицу, прижимая к груди папку с описанием заказа и зажав в кулаке драгоценные купюры. Накрапывал мелкий, противный дождь, небо было серым, но мне казалось, что светит солнце. Я сделала это! У меня есть работа! Настоящая!

Усталость навалилась внезапно, как только схлынул адреналин. Целый день на ногах, нервное напряжение... Хотелось только одного – добраться до Полиной квартиры, упасть на диван и хоть немного отдохнуть. Но метро... снова толкаться в душном вагоне, чувствовать на себе взгляды... Нет. Сегодня я могу позволить себе маленькую роскошь. Я достала телефон Полины, открыла приложение такси.

Машина приехала на удивление быстро. Белая, чистая Kia K5. Я села на заднее сиденье, назвала адрес на Проспекте Мира и устало откинулась на спинку, прикрыв глаза. Погруженная в свои мысли – планы по реставрации, расчет материалов, радость от первой победы, – я не сразу обратила внимание на водителя.

Музыка в салоне была тихой, ненавязчивой – какой-то спокойный инструментальный джаз. Не радио. В воздухе витал легкий, едва уловимый аромат кофе и чего-то еще – чистого, свежего. Я открыла глаза и посмотрела в зеркало заднего вида.

Сердце сделало кульбит и ухнуло куда-то вниз.

За рулем сидел... ОН.

Он тоже поймал мой взгляд в зеркале. Легкая, едва заметная улыбка тронула уголки его губ. Внимательные глаза смотрели спокойно, но с искоркой... узнавания? Удивления? Или чего-то еще?

— Мы снова встретились, – голос его был таким же тихим и ровным, как и в ту ночь. Но теперь в нем слышались теплые нотки.

— Видимо, судьба, – пробормотала я, чувствуя, как краска заливает щеки. Это было уже слишком. Два раза подряд. В огромной Москве. Случайность? Или...?

— Как ваш день? – спросил он, снова глядя на дорогу. – Кажется, сегодня он много лучше, чем прошлая наша встреча?

Его деликатность поражала. Он помнил. Но не лез с расспросами, не напоминал об унижительных обстоятельствах нашей первой встречи.

— Да... гораздо лучше, – ответила я, сама удивляясь своему внезапному порыву поделиться. – Я... я нашла работу. Вернее, первый заказ. Реставрация старинного кресла.

— Реставрация? – в его голосе прозвучал неподдельный интерес. – Это потрясающе! Сложно, наверное? Требуется огромного терпения и знаний.

Мы разговорились. Вернее, говорила в основном я, увлеченно рассказывая про карельскую березу, про ампир, про предстоящую работу. Он слушал внимательно, задавал вопросы – и они были на удивление толковыми, не дилетантскими. Он спросил про особенности полировки шеллаком, про то, как отличить подделку от оригинала, про то, где искать аутентичные ткани для обивки. Откуда простой таксист может знать такие вещи и задавать такие вопросы?

Его звали Кирилл.

Я снова украдкой разглядывала его в зеркало. Спокойный профиль, сильные руки на руле. Чистая, но простая одежда. И часы. Сегодня я разглядела их лучше. Стальной корпус, темный циферблат, строгий дизайн. Не кричащие, не золотые, но безошибочно дорогие. Такие часы не носят обычные таксисты, работающие по ночам. И этот идеальный порядок в машине, и музыка... И эта его осведомленность в искусстве...

— А вы... вы увлекаетесь антиквариатом? – осторожно спросила я.

— Немного, – он чуть пожал плечами, уклончиво. – Люблю красивые вещи с историей. У них есть душа, как бы сказал Орловский.

Орловский?! Он что, был там? Следил за мной? Или это просто совпадение, что он употребил то же слово?

— Орловский... Вы его знаете? – спросила я напрямик, чувствуя, как холодеют кончики пальцев.

— Наслышан, и не раз подвозил к его лавке пассажиров... по долгу службы... – так же спокойно ответил он. – Известный коллекционер. С непростым характером, говорят. Но вы, кажется, нашли с ним общий язык? Это хорошо. Очень рад за вас.

Он снова ушел от прямого ответа. Загадка только сгущалась. Кто он? Почему он появляется в моей жизни в самые знаковые моменты? Почему так интересуется мной, но ничего не рассказывает о себе?

Мы подъехали к дому Полины. Я достала из сумки деньги – часть драгоценного аванса.

— Сколько с меня?

— Я же сказал, не нужно, – он снова мягко остановил меня. – Считайте это моим небольшим вкладом в возрождение искусства. И инвестицией в ваш будущий успех.

Он улыбнулся – теплее, чем раньше, почти открыто.

— А если серьезно, Евлалия... можно я буду вас так называть? Лала – слишком... домашнему, наверное?

— Да, конечно, – кивнула я, снова смутившись.

— Если вам понадобится помощь... ну, скажем, перевезти это ваше кресло потом... или еще что-то... Не мебель же вам самой таскать? – он протянул мне маленькую визитку. Простую, из плотного белого картона. На ней было только имя «Кирилл» и номер телефона. Ни фамилии, ни должности. – Звоните. Не стесняйтесь. Буду рад помочь.

Я взяла визитку. Пальцы наши снова соприкоснулись. На этот раз дольше. Я почувствовала тепло его руки, легкий разряд тока прошел по телу. Я подняла на него глаза. Он смотрел прямо, без улыбки, но взгляд был... глубоким. Обещающим? Предупреждающим? Я не знала.

— Спасибо, Кирилл, – прошептала я.

— До встречи, Евлалия.

Я вышла из машины, чувствуя себя совершенно выбитой из колеи. Он подождал, пока я не скроюсь в подъезде, и только потом плавно тронулся с места.

Я стояла на лестничной площадке, прижимая к груди папку с заказом и крошечный кусочек картона с его именем и номером.

Благодарность. Растущая симпатия. И всепоглощающее, почти пугающее недоумение.

Кто же ты такой, Кирилл? Случайный спаситель? Или часть чьей-то сложной игры, в которую меня втянули? И могу ли я позволить себе поддаться этому странному, необъяснимому притяжению?

Глава 5 (от лица Глеба Воронцова)

Холодное, почти стерильное солнце поздней весны заливало кабинет сквозь панорамное стекло от пола до потолка. Москва расстилалась внизу – серо-стальная, прошитая нитями дорог, увенчанная иглами Сити, которые отсюда, с высоты семидесятого этажа башни «Империия», казались почти игрушечными. Мой город. Город, который я подчинял, покупал. Город, где каждый камень, казалось, знал свое место и своего хозяина.

Я стоял у окна, спиной к огромному столу из черного мореного дуба, на котором царил идеальный, почти хирургический порядок. Бокал с янтарным односолодовым виски приятно охлаждал ладонь. Вкус – сложный, дымный, с нотками торфа и вереска – был единственным удовольствием, которое я позволял себе в рабочее время. Он помогал приглушить глухое, сосущее раздражение, которое тлело где-то под ребрами с самого утра.

Лала. Евлалия. Даже имя ее звучало как насмешка – мягкое, старомодное, совершенно не соответствующее той холодной, упрямой искорке, что я видел в ее глазах в ту последнюю ночь. Перед тем, как вышвырнуть ее вон.

Впрочем, искорка эта была лишь предсмертным всполохом. Я был уверен, что урок усвоен. Что она сидит сейчас у своей подружки-юристки, заливаясь слезами, проклиная меня и одновременно жалея себя, беспомощная, раздавленная, осознавшая наконец, кто она такая без меня. Никто. Пустое место. Красивая обертка, из которой вынули дорогое содержимое – мое имя, мои деньги, мою защиту.

Но утренний доклад Семенова, начальника моей службы безопасности, внес диссонанс в эту привычную картину мира. Лала не просто плачет. Она действует. Адвокат. И не какой-нибудь заштатный клерк, а сам Максим Игнатьевич. Старый лис, акула бракоразводных процессов, человек с репутацией бульдога, который вгрызается в глотку противника и не разжимает челюстей, пока не получит свое. Откуда у нее деньги на него? Неужели подружка Полина оплатила?

Или... нет, это исключено. Все ее счета, до последней копейки, были надежно заморожены моим звонком в банк еще позавчера утром. Ни одна мышшь не проскочит. Значит, Игнатьевич взялся за дело на перспективу? Рассчитывает откусить кусок от моего состояния при разделе?

Наивные.

Я отпил виски. Лед тихо звякнул о хрусталь.

Дерзость. Какая неслыханная дерзость с ее стороны. После всего, что я для нее сделал. Вытащил из ее провинциальной пыли, отмыл, одел, вывел в свет. Сделал из серой мышки почти леди. Дал ей жизнь, о которой она и мечтать не смела. А она... она посмела поднять голову. Посмела усомниться во мне, устроить истерику из-за какой-то дешевой сережки, а теперь еще и нанять адвоката? Пытаться что-то отсудить у меня? У меня?!

Раздражение снова поднялось волной, смешиваясь с холодным, расчетливым гневом.

Она не понимает. Она совершенно не понимает, с кем связалась.

Она думает, это игра? Что можно вот так просто уйти, хлопнув дверью (вернее, будучи выставленной за дверь), а потом предъявлять какие-то права? Права есть только у сильного. У того, кто платит. У того, кто держит в руках все нити. А она – всего лишь марионетка, которая возомнила себя кукловодом.

Нужно было ее немного встряхнуть. Напомнить о реальности. О том, кто здесь устанавливает правила. Мои мысли текли привычно, холодно, просчитывая ходы.

Усилить давление. Перекрыть последние лазейки. Заставить почувствовать настоящий холод, настоящую безысходность. Чтобы поняла. Чтобы приползла.

В этот момент на столе тихо пискнул селектор. Голос секретарши – молодой, чуть заискивающий – прозвучал в динамике:

– Глеб Сергеевич, простите, что беспокою. Вам звонок от господина Орловского, галерея антиквариата на Пречистенке. Соединять?

Орловский? Я нахмурился. Степан Аркадьевич. Пыльный антиквар, сноб, вращающийся в кругах старой московской интеллигенции. Мы пересекались пару раз на каких-то скучных благотворительных аукционах, куда меня затаскивала Изольда. Зачем я ему понадобился? Неужели решил предложить очередную «уникальную» картину для моей коллекции? Или денег взаймы попросить? Эти ценители прекрасного вечно сидят без гроша.

– Соединяй, Леночка, – бросил я в селектор, делая еще глоток виски.

– Глеб Сергеевич? Добрый день. Орловский беспокоит. Простите за вторжение... Неловко вас отвлекать по такому, в общем-то, пустяковому вопросу...

Голос антиквара был вежливым до подобострастия, но в нем слышались нотки растерянности.

– Говорите по существу, Степан Аркадьевич, – прервал я его, не терпящий пустой болтовни.

– Да-да, конечно... Дело в том, Глеб Сергеевич... ко мне вчера обратилась одна молодая дама... реставратор. По рекомендации, от Миланы Арсеньевой, фотографа, может, знаете такую? Так вот, эта дама... Евлалия Андреевна... фамилия... Романова, кажется... но я засомневался и чуть позже узнал, что она бывшая Воронцова... или не бывшая... в общем, хотел прояснить ситуацию...

Я замер, бокал застыл на полпути ко рту. Романова. Евлалия Андреевна. Бывшая Воронцова. Значит, не просто ищет работу. Уже нашла? У этого? Невероятно. Скорость, с которой она пыталась барахтаться, начинала вызывать не только презрение, но и легкое, почти незаметное удивление.

– И что же эта дама? – спросил я как можно ровнее, скрывая свое истинное отношение за маской холодного любопытства.

– Я... я дал ей небольшой заказ, Глеб Сергеевич, – Орловский явно нервничал, видимо, уже жалея о своем звонке. – Старинное кресло, карельская береза... Она произвела впечатление знающего специалиста, говорила очень толково... И Милана так ее хвалила... Но потом я подумал... все-таки фамилия... связи... Может, я поступил неосмотрительно? Не хотел бы я ненароком... э-э... доставить вам какие-то неудобства, Глеб Сергеевич... Вы ведь человек занятой, влиятельный... А тут...

Я слушал его сбивчивый лепет, и губы мои кривились в злой, презрительной усмешке. Вот оно. Мир тесен. А мир больших денег и связей – еще теснее. Орловский, видимо, по своим каналам быстро выяснил, кто такая «бывшая Воронцова», и теперь трусливо пытался подстелить соломки, опасаясь моего гнева. Как предсказуемо. Как скучно.

– Успокойтесь, Степан Аркадьевич, – мой голос сочился ледяным спокойствием. – Никаких неудобств вы мне не доставили. Пока. Евлалия Андреевна действительно... переживает сейчас не лучший период. Развод, знаете ли. Отражается на... эмоциональном состоянии. Нервы. Нестабильность. Иногда это сказывается и на работе. На качестве. На сроках. Вы понимаете, о чем я?

Я сделал паузу, давая ему возможность переварить прозрачный намек. Судя по тишине на том конце провода, он все понял правильно.

– Да... да, Глеб Сергеевич... Кажется, понимаю... – пробормотал он. – Это... это очень прискорбно. Талантливая девушка, вроде бы...

– Талант – это еще не все, Степан Аркадьевич. Нужна надежность. Стабильность. Ответственность. Чего у Евлалии Андреевны сейчас, к сожалению, в дефиците. Но это, разумеется,

ваше дело, с кем сотрудничать. Я лишь... по-дружески, так сказать... делюсь информацией. Чтобы вы потом не удивлялись, если что-то пойдет не так.

– Благодарю вас, Глеб Сергеевич! Искренне благодарю за... за предупреждение! Я... я все учту. Непременно. Спасибо, что уделили время. До свидания.

Он торопливо повесил трубку. Я поставил бокал на стол. Холодное удовлетворение разлилось внутри. Один звонок. Пара намеков. И хрупкий мирок ее надежд уже трещит по швам. Этот Орловский теперь десять раз подумает, прежде чем давать ей новые заказы или даже платить за этот. А скорее всего, просто найдет предлог, чтобы отказаться от ее услуг. Минус один.

Нужно продолжать. Методично, шаг за шагом. Отсекать все пути, все возможности. Загнать ее в угол. Туда, где единственный выход – вернуться ко мне. На коленях.

В дверь постучали. Вернее, это был не стук, а легкое, уверенное царапанье наманикюренных ногтей по дереву. Изольда. Всегда без предупреждения. Всегда с видом хозяйки положения.

– Можно, любимый? – она просунула в щель свою идеально уложенную белокурую голову, сверкнув холодными голубыми глазами.

– Входи, – бросил я, не поворачиваясь.

Она скользнула в кабинет, как пантера – гибкая, грациозная, хищная. На ней было что-то невообразимо дорогое и облегающее, цвета фуксии, подчеркивающее каждый изгиб ее точеной фигуры. Шлейф тяжелых, сладких духов – тех самых, что я предпочитал в последнее время, – ударил в нос, на мгновение вызвав неприятную ассоциацию с той ночью, с Лалой, с ее обвинениями. Черт.

Изольда подошла к столу, лениво провела пальцем по гляцевому журналу, который я даже не заметил среди деловых бумаг. VOGUE. Сентябрьский номер.

– Глебушка, ты видел? Какое кольцо! – она ткнула пальчиком в рекламную страницу, где на фоне бархата сверкала россыпь огромных бриллиантов. – Оно мне совершенно необходимо к новому платью от Диор. Ты же мне его подаришь, правда, милый?

Ее голос был капризным, мурлыкающим, но за этой игривостью скрывалась стальная хватка женщины, привыкшей получать все, что она хочет.

Изольда была моим трофеем, моим статусным аксессуаром. Красивая, дорогая, известная в узких кругах владелица модной галереи на Патриарших. Она идеально смотрелась рядом со мной на приемах, ее связи в мире искусства иногда бывали полезны. Она была предсказуема в своих желаниях – деньги, бриллианты, светские рауты. Ее легко было контролировать, покупая ее лояльность очередным дорогим подарком. Но иногда ее ненасытность утомляла.

Я мельком взглянул на кольцо. Безвкусное, кричащее. Но цена, несомненно, впечатляла. Цена ее преданности.

– Посмотрим, Зола, – ответил я уклончиво.

Она надула губки, идеально очерченные яркой помадой.

– Ну, Гле-е-еб... А еще я хочу на Мальдивы. Прямо сейчас. Устала от этой серости.

Мальдивы. Опять.

В памяти вдруг всплыл другой образ. Лала. Тихая, скромная Лала, которая радовалась букету полевых ромашек больше, чем бриллиантам. Которая просила не Мальдивы, а поездку в Суздаль, побродить по старым улочкам, посмотреть на церкви. С которой можно было просто молчать, и это молчание не было неловким. С ней было... проще. Да, до отвращения скучнее. Предсказуемое.

В ней не было этого хищного блеска Изольды, этой показной роскоши, этой жажды жизни (или жажды денег?). Но было что-то другое. Какая-то... надежность? Уют? То, чего мне никогда не хватало, и что я сам же разрушил своей скукой и жадой новизны.

Черт, о чем я думаю? Ностальгия? Смешно. Лала – прошлое. Ошибка. Досадная помеха.

– Ты опять думаешь о своей мышке? – голос Изольды стал жестким, колючим. Она без-
ошибочно угадала направление моих мыслей. Или просто ревновала по привычке. – Надеюсь,
ты ее уже вышвырнул окончательно? А то эти слухи... Вчера у Петровских все только и шеп-
тались. Неприятно, знаешь ли. Моему имиджу это вредит.

– Твоему имиджу вредит твоя глупость, Зола, – отрезал я холодно. – Не лезь не в свое
дело. Занимайся своими галереями и тряпками.

Я достал из внутреннего кармана пиджака портмоне, вынул платиновую кредитную
карту. Бесконтактную, безлимитную. Бросил ее на стол перед Изольдой.

– купи себе свое кольцо. И на Мальдивы слетай. Одна. Мне нужно работать.

Ее глаза хищно блеснули. Обида мгновенно испарилась, сменившись торжеством. Она
подхватила карту, как голодный зверь – добычу. Провела язычком по пухлым губам.

– Какой ты у меня щедрый, Глебушка, – промурлыкала она, наклоняясь ко мне через
стол и посылая воздушный поцелуй. – Я знала, что ты меня любишь.

Она развернулась и вышла, покачивая бедрами, оставляя за собой шлейф приторных
духов и ощущение пустоты. Любовь. Какое пошлое, бессмысленное слово. Любовь покупается.
Как и все остальное в этом мире. Вопрос только в цене.

Я снова нажал кнопку селектора.

– Леночка, соедини меня с Семеновым. Срочно.

Через секунду в трубке раздался четкий, лишенный эмоций голос начальника моей
службы безопасности.

– Слушаю, Глеб Сергеевич.

– Семенов, – мой голос стал жестким, не терпящим возражений. – Значит так. Объект
«Л». Усилить контроль. Мне нужно знать каждый ее шаг, каждый вздох, каждый контакт. Пове-
сить на нее «хвост» круглосуточно, но незаметно. Телефон – на полную прослушку. Квартира
подружки – тоже проверить на предмет «жучков», если есть возможность. Адвокат Игнать-
евич – собрать на него все, что можно. Любой компромат. Любая грязь. Антиквар Орловский
– позвонить ему еще раз. От меня. Объяснить популярно, что сотрудничество с Воронцовой
может крайне негативно сказаться на его... спокойствии. И на сохранности его антиквариата.
Намекнуть на проблемы с налоговой, пожарными, чем угодно. Пусть откажется от ее услуг.
Немедленно. Под любым предлогом. Это приказ.

– Будет сделано, Глеб Сергеевич. Есть еще одна деталь. Позавчера вечером она встреча-
лась с неизвестным мужчиной на такси. Белая Kia K5. Номер такой-то. Водитель... – Семенов
замаялся. – Не пробивается по базам таксопарков. Машина чистая, зарегистрирована на некое
ООО «Квантум», профиль – IT, разработка ПО. Водителя ищем.

Неизвестный мужчина? Таксист? Лала? Интересно. Неужели так быстро нашла себе уте-
шение? Или это просто случайность? Хотя в ее положении случайности могут быть опасны.

– Найти этого водителя, Семенов, – прорычал я. – Узнать, кто он такой и что ему нужно
от нее. Проверить его связь с ней. Доложить немедленно. И убедитесь, что все ее финансо-
вые каналы перекрыты наглухо. Ни копейки. Ниоткуда. Она должна почувствовать, что такое
настоящая нужда.

– Вас понял, Глеб Сергеевич. Выполняю.

Я повесил трубку. План действовал. Удавка сжималась. Финансовая блокада. Профес-
сиональная дискредитация. Изоляция. Наблюдение. Скоро она сломается. Обязательно сломает-
ся.

Я подошел к окну. Город внизу жил своей жизнью, равнодушный к маленьким человече-
ским драмам. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в холодные, стальные тона. Я снова
посмотрел на свое отражение в стекле. Спокойное, уверенное лицо человека, который держит
мир в своих руках. Который всегда получает то, что хочет. И который никогда не прощает
предательства. Или неповиновения.

Лала. Она была моей ошибкой. Моей игрушкой. Моей вещью. И она должна была это усвоить раз и навсегда. Я вспомнил ту ночь. Ее испуганные глаза, ее слезы, ее унижение в одном белье под безжалостным майским дождем. Ни капли сожаления. Только холодное, чистое удовлетворение от восстановленной справедливости. Она сама виновата. Перешла черту. Забыла свое место. Я преподавал ей урок. Жестокий, да. Но необходимый.

Пусть помучается. Пусть поймет, что без меня она – ничто. Ноль. Пустое место. Пусть нахлебается этой своей «свободы» до отвращения. А потом... потом я подумаю.

Может быть, из великодушия, позволю ей вернуться. На моих условиях, разумеется. Будет ползать у моих ног, вымаливая прощение, готовая на все ради куска хлеба и крыши над головой. А может, просто сотру ее из своей жизни окончательно, как ненужный файл. Я еще не решил. Это будет зависеть от ее поведения. И от моего настроения.

Главное – она должна быть сломлена. Полностью. Бесповоротно. Чтобы больше никогда не посмела поднять на меня глаза.

Я допил остатки виски. Холодный огонь разлился по венам, принося знакомое чувство абсолютной власти и контроля. Я улыбнулся своему отражению. Игра началась. И я в ней всегда выигрываю.

Глава 6

Дни обрели новый ритм, новую текстуру. Вместо вязкого, липкого ожидания, которым была пропитана моя прежняя жизнь – ожидания возвращения Глеба, его настроения, его милости – пришла иная реальность.

Реальность, пахнущая древесной пылью, скипидаром и свежим лаком. Реальность, наполненная сосредоточенным молчанием, прерываемым лишь скрипом рубанка да шорохом наждачной бумаги. Реальность, где мои руки, так долго бездействовавшие или перебиравшие шелк в бутиках, наконец-то нашли свое истинное предназначение – возвращать к жизни то, что было забыто и сломано.

Первый аванс от Орловского, несколько пятидесятирублевых купюр, которые я пересчитывала снова и снова, казался почти нереальным. Мои. Первые. Заработанные. Они жгли ладонь и одновременно дарили пьянящее чувство свободы, смешанное с ледяным страхом ответственности. Эти деньги были не на очередную пару туфель или поход в спа-салон. Они были на выживание. На аренду угла, где я могла бы творить (я договорилась, что все-таки перевезу кресло в отдельное для работы место).

Также я взяла дополнительную сумму и на расходные материалы. Под отчетность, конечно же. Орловский был щепетильным и скупуплечным в некоторых мелочах. Но наверное, это правильно.

Поиск угла превратился в отдельный квест, унижительный и отрезвляющий.

Квартира Полины, мой спасительный ковчег, категорически не подходила. Я не могла превратить ее уютное, заваленное книгами и юридическими папками жилище в столярную мастерскую с ее неизбежной грязью, пылью и едкими запахами. Нужно было свое пространство.

Я провела два дня, обзванивая объявления и катаясь по самым разным уголкам Москвы, которые раньше видела только из окна машины с водителем.

Сайты пестрели предложениями «аренды под мастерскую», но за красивыми словами часто скрывались убогие, непригодные помещения.

Я побывала в сыром, пахнущем плесенью подвале где-то в районе Текстильщиков, где единственный свет давала тусклая лампочка под потолком, а из коммуникаций был только ржавый кран с холодной водой. Владелец, мутный тип с бегающими глазками, заломил за это «эксклюзивное арт-пространство» цену, как за приличную студию.

Я посмотрела несколько гаражей в промзоне на Варшавке – холодные бетонные коробки, где зимой, наверное, замерзает вода в стакане, а летом царит невыносимая духота. Хозяева – суровые мужики в спецовках – смотрели на меня с нескрываемым подозрением: «Деревяшки ковырять? Баба? Ну-ну».

Каждая такая поездка выматывала, высасывала остатки сил и надежды. Мир, в котором люди боролись за каждый квадратный метр, за каждую копейку, оказался таким далеким от блестящего, но бездушного мира Глеба, где проблемы решались одним звонком или движением платиновой карты. Я чувствовала себя выброшенной на берег рыбой, отчаянно хватающей ртом воздух, не понимая, как выжить в этой новой, враждебной стихии.

В какой-то момент я была готова сдаться. Вернуться к Полине, расписаться в собственном бессилии, признать, что Глеб был прав – без него я никто.

Но потом я вспоминала его холодные глаза, его приказ «Сними», ледяной дождь на обнаженной коже... И злость, холодная, яростная, снова поднималась из глубины души, заставляя стиснуть зубы и продолжать поиски.

Наконец, почти потеряв надежду, я наткнулась на объявление, которое показалось лучом света в темном царстве.

Коворкинг для ремесленников в Марьиной Роще.

«Пространство для творчества», «дружелюбная атмосфера», «аренда рабочего места в столярном зале». Цена была не бросовой, но подъемной, съедающей значительную, но не всю часть моего аванса. Я позвонила, договорилась о встрече.

Само здание – старая кирпичная постройка, зажатая между новостройками и складскими помещениями – не внушало оптимизма. Но внутри оказалось неожиданно светло и... живо. Высокие потолки, большие окна, белые стены, кое-где украшенные граффити или картинами.

В большом зале гудел творческий улей: девушки за швейными машинками, парни у гончарных кругов, художники у мольбертов. Пахло краской, глиной, деревом, кофе из небольшой стойки у входа. Атмосфера была немного хаотичной, богемной, но дышала энергией и свободой.

Меня встретила администратор – молодая девушка с пирсингом в носу и фиолетовыми волосами, – провела в столярный зал. Он был отделен стеклянной перегородкой, но звуки все равно доносились. Несколько верстаков были заняты – парень в наушниках сосредоточенно вырезал что-то из дерева, пожилой мужчина в клетчатой рубашке аккуратно склеивал раму. Было несколько свободных мест. Пыльновато, конечно, не без этого. И шумновато. Но светло, тепло, есть вытяжка и розетки у каждого верстака.

– Вот, выбирайте любое, – кивнула администратор. – У нас тут все свои, никто не мешает. Правила простые: убирать за собой, не шуметь после десяти вечера, ну и платить вовремя. Первый месяц – вот столько.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.